

Беседовала
Ольга Шапохина

12 ноября отмечает свое 50-летие известный писатель Юрий Поляков, каждое произведение которого становилось сенсацией: «Работа над ошибками», «ЧП районного масштаба», «Сто дней до приказа», «Апофеоз», «Козленок в молоке», «Парижская любовь Кости Гуманкова», «Замыслил я побег...». Накануне юбилея главный редактор «Литературной газеты» ответил на вопросы нашего корреспондента.

Юрий ПОЛЯКОВ:

Стать писателем — нельзя

— Юрий Михайлович, что вы готовите по случаю юбилея?

— 12 ноября будет спектакль во МХАТе им. Горького — «Контрольный выстрел» в постановке Говорухина. Потом 13-го — творческий вечер в Центральном доме литераторов, 14 и 16 ноября — «Козленок в молоке» в театре Рубена Симонова, этот спектакль уже выдержал более 200 представлений.

— Вы участвовали в работе над «Контрольным выстрелом»?

— Да, Говорухин заставлял меня сидеть рядом: учись, мол.

— И как вам понравился театральный творческий процесс?

— У меня много театральных постановок. Режиссеры, по моим наблюдениям, разные: одни диктаторы, другие, наоборот, смотрят, что актер может придумать.

— Некоторые на репетициях пельменцами кидаются... А Говорухин?

— Был очень смешной случай. Роль олигарха в этом спектакле репетировал один актер, очень хороший, но он только переехал в Москву то ли из Алма-Аты, то ли из Душанбе, то ли из Ташкента. Он там играл в русском театре, переехал сюда, поселился в общежитии. И вот его назначили олигархом... Говорухин смотрел-смотрел — не выдержал: «Ну какой ты олигарх?! Ладно, костюм и галстук я тебе свои дам, ботинки найду, к своему парикмахеру отправлю, потом к визажисту...» Через две недели я прихожу на репетицию и вижу: тот же самый актер, уже в хорошем дорогом костюме из гардероба Говорухина, в галстук, хорошо подстриженный. Но Говорухин опять сидит, смотрит, говорит: «Нет, все равно ты не олигарх!» Актер парирует: «Да какой я, Станислав Сергеевич, олигарх, если в общежитии живу?» «А ты откуда приехал?» — спрашивает Говорухин. Тот рассказывает. А в спектакле есть персонаж — наш московский участковый милиционер-узбек. «О! — говорит режиссер. — Вот ты будешь играть этого милиционера, а олигарха будет играть другой...» И все получилось идеально.

— А как, по вашему мнению, роли сыграть труднее всего? Что сложнее изобразить?

— Труднее всего убедительно сыграть положительного героя. Это самое трудное. Это и в литературе труднее всего описать. Так, чтобы это было и художественно убедительно, и не приторно, и не противно. И в то же время несли позитивный заряд. Это всегда легче изобразить. Оно колоритнее, оно изобретательнее.

— И как вы решаете эту проблему?

— Мне проще. Я писатель сатирического направления, какие тут сверхположительные герои? Хотя, помню, одного такого героя я написал — это Костожегов в «Козленке в молоке». Уже написанный роман прочитал критик и сказал: «У тебя там нет ни одного положительного героя, просто паноптикум какой-то». И я придумал этого героя, составил его из нескольких знакомых мне хороших людей. И с тех пор все, кто читает, говорят: все хорошо, но на хрена тебе нужен был этот Костожегов, он же ни к селу ни к городу в этом романе. Надо было слушаться собственной интуиции... Я, правда, чувствовал в конце, что оно именно что ни к селу ни к городу, и специально дал ему фамилию Костожегов, отсылая к гоголевскому Константаню, идеальному помещику. Ни один зараза-критик абсолютно ничего не пронюхал! У нас же такие критики... Они по-

нимают только всяческий постмодернизм. Зато простые читатели — молодцы. Я выступал где-то в Тюмени или в Сургуте в библиотеке, встает один читатель и говорит: «А я правильно понял, что вы в этом образе отсылаете к Гоголю?» — «Правильно». — «Потому что таких хороших людей не бывает?» — «Ну, в общем, да».

— А вам приходилось слышать от издателя такой комментарий к вашим произведениям: дурак-читатель этого не поймет?

— Приходилось. С тем же «Козленком в молоке» — первый издатель сказал: очень смешной роман, но больше 10 тысяч мы не продадим, потому что это только для творческой интеллигенции, а профанный, как он выражался, читатель, он же не просечет фишку. А в результате эта книга к нынешнему моменту выдержала уже 23 издания.

— Какой суммарный тираж?

— К 400 тысячам приближается.

— По нынешним временам очень недурно. Выходит, читатель не такой дурак, как нас убеждают?

— Хороший у нас читатель! Еще с советских времен. А вот в издательский мир и на телевидение пришли люди малообразованные, но самоуверенные, и они по себе судят. Они сами необразованы и думают, что все вокруг такие же. У нас публика очень образованная. Иногда сталкиваешься с человеком, который в технической сфере работает, и обнаруживаешь, что он в каких-то сферах гуманитарных лучше тебя разбирается. Хотя ты — гуманитарий. А однажды было так. На творческой встрече мне сказали по поводу романа «Апофеоз»: у вас героиня беременна не девять месяцев, а тринадцать. Я оторопел — не может быть! Но посмотрел — действительно, получилось наложение нескольких вариантов романа. У меня меньше десяти вариантов книги не бывает никогда! И в одной редакции я поменял время года, вот и получилось так. А люди внимательно читают!

— Вы пишете эти варианты один за другим?

— У меня принцип живописной работы, я занимался в молодости изобразительным искусством. Как художник работает? Сначала карандашным наброском, потом подмалевок... и так до тех пор, пока не настанет время лессировки. Вот так же и у меня. Текст постепенно разрастается, появляются новые обороты, побочные линии. Обычно, если я начинаю с рассказа, а заканчиваю повестью. Если с повести — заканчиваю романом. Потом еще стилистическая правка. Ведь литература дает высшую норму языка — есть обиходная норма, тот язык, на котором говорит круг образованных людей, а литература дает золотую норму языка, которая впитывает из обиходной самое-самое — лучшие конструкции, лучшее словоупотребление, наиболее выразительные слова и синонимические ряды. О том, как говорили во времена Пушкина, Толстого, Булгакова, мы ведь знаем по их книгам. Не по газетам же! Кино я не беру, потому что кино — это производное от литературы.

— Часто ли ваши герои соотносятся авторской воле?

— Обычное дело. Помните у Булгакова в «Театральном романе»: фигурки оживают и начинают двигаться сами. Герои следуют своей внутренней логике. Ты их, конечно, ведешь, но ты ведешь их, следуя этой логике. Часто у меня бывает несколько концовок, я их откладываю, потом смотрю и думаю: да, он должен вот так поступить. У меня в романе «Замыслил я побег...» было так, и постепенно я понял, что герой и в этой ситуации решения не примет. Собственно, почему рухнула наша страна? Потому что она сверху донизу оказалась набитой людьми, равно не способными ни разбираться в своей личной жизни, ни решить, как бороться со смутой в государстве. Лев Гумилев называл это субинсаниорностью.

— В свое время ваша «Работа над ошибками» произвела на меня очень сильное впечатление. Но это была светлая книга, полная надежд...

— Советская была литература... Это было последнее, что она могла предложить. Не зря же Сергей Михалков назвал меня последним советским писателем. Мы до конца держали эту модель человеческих отношений.

— Да, она полностью построена по законам соцреализма. Но теперь все это из литературы ушло...

— К сожалению. Литература все-таки должна давать надежду, нести свет. А сейчас литература превращается в черную мессу.

— Причем литература толстых журналов!

— Да, действительно. Повторяю, то, что мы сейчас имеем в литературе, это черная месса соцреализма. Как сатиристы превращают церковную службу, так эти литераторы перевернули соцреализм. Самый яркий пример — Сорокин.

— Это и в русской литературе, к сожалению, было. Весь нигилизм, базаровщина на этом построены. Это оборотная сторона преданности русской культуре какой-то идее. У идеократичности есть

— Что с этим делать? Или само отомрет?

— Само собой, думаю. Смотрите, мне же удалось сохранить в своих книгах то, что принято называть гуманизмом. Я за человека болею. Даже если осуждаю, то не издаю, не глумлюсь. И не пытаюсь выдать процессы, происходящие в книжечке, за глубинные движения души. Читатель это видит. При том, что в меня не вкладывали таких денег, как в раскрутку Сорокина или Пелевина, я на отсутствие читателей не жалуюсь.

— Вы произнесли два слова: «гуманизм» и «человек». Мне не раз приходилось сталкиваться с тем, что эти понятия едва ли не противопоставляются друг другу. Например, в рецензии на некий фильм автор с негодованием осуждает женщину, заблуждаясь о безопасности своих детей, поскольку она при этом не думает о всеобщем гуманизме. Вам не кажется, что это — большое место нашего менталитета: думать, беспокоиться, даже страдать по поводу мировых проблем, но пренебрегать при этом интересами реальных людей, даже своих близких? Идея — а потом уже люди...

— Это и в русской литературе, к сожалению, было. Весь нигилизм, базаровщина на этом построены. Это оборотная сторона преданности русской культуре какой-то идее. У идеократичности есть

своя положительная сторона, но и отрицательная тоже. Она может человека очень высоко поднять, повести на какие-то большие добрые дела, а может очень сильно оторвать от реальности. Именно поэтому у нас была возможна революция. Трагедия заключается в том, что после этого упования идеей обычно наступает то, что Гоголь называл превращением человека в материалистическую скотину. Это реакция на период свеченностного отношения к идее. Она мало того, что очень сильно принижает человека, но еще и ведет к краху государственности. Потому что государство держится на некоем идеализме. Человек должен относиться к государству с какой-то долей романтизма. А если это теряется, дело плохо.

— А почему, по-вашему, в нашей культуре сложилось такое отношение к идее? Была ли какая-то историческая развилка, где мы выбрали такую дорогу?

— Думаю, что такое отношение сформировалось, когда Россия приняла эстафету Византии. Идея Третьего Рима — она, конечно, внушила нам чувство мессианства. А потом накладывались другие обстоятельства, связанные с нашей освободительной борьбой. Из далекого улуса Золотой Орды мы превратились в общевосточное государство. И государство эксплуатировало идею мессианства. Сказались и огромные евразийские просторы. Это не торговля, которая всегда связана с каким-то обманом, а такая естественная экспансия. На совершенно других основаниях построенная. Это не «налетел, отобрал, убежал». Тебе придется жить рядом с этими новыми людьми, что-то им предложить, показать, что твоя культура выше.

— Но Британская империя возникла на смешении двух этих видов отношений. Были и знаменитые корсары, однако была и культура...

— Все-таки у них было другое отношение к этим народам. Если мы подняли многие народы, они нанесли значительный ущерб разви-

тию, скажем, Индии. Когда англичане пришли в Индию, там уже складывался рынок, а они все поломали, им же нужна была сырьевая база.

— И тем не менее в английской и англоязычной литературе равно представлены и шедевры высокой мысли, и очаровательные приключенческие книги. Почему у нас не сложилось приключенческой литературы? Купер, Майн Рид, Толкиен в конце концов — все не наши. Почему?

— Были, конечно, свои прорывы вроде Алексея Константиновича Толстого. Но действительно полного развития не получились. Трудно сказать, почему. Ведь материала немало — и покорение Сибири, и иные славные дела.

— Было о чем писать!

— Да, было, но не сложилось. Может быть, потому, что в литературе очень долго держался религиозный канон. А быть может — просто воля случая. Не родился у нас писатель, способный поднять этот жанр на достойную высоту, вот и все. Не родился свой Вальтер Скотт, и хотя ты застрелишь... А Булгаков — никак не Вальтер Скотт, и Лажечников тоже.

— И даже Бестужев-Марлинский...

— А он, может, и стал бы нашим Вальтером Скоттом, но — рано погиб. Тот-то хоть и квазил как сукин сын, но прожил долго, успел написать много романов. И рынок книжный у нас был меньше, ведь это была уже коммерческая литература, а читатель — мало. Это в Киевской Руси была высокая грамотность, а в эпоху крепостного права... сами знаете. И снова хочу повторить: в культуре большую роль играет случай. Родился гений, выжил, пробыл — значит, явление состоялось. Нет — значит, нет. Вот представьте себе, что Шолохова убили в Гражданскую войну. Кто из писателей той эпохи мог занять его место?.. И не было бы «Тихого Дона». Это же не наука, где какой-нибудь закон откровен не один, так другой. Законы природы-то действую-

ют везде, и рано или поздно кто-то их сформулирует. А творчество связано с личностью, с ее опытом, с переживаниями. Пожил бы Марлинский еще... или Пушкин не погиб бы в 37 лет. Он как раз становился крупным историческим писателем, мог вынести нашу историческую прозу.

— Сейчас в литературной сфере существуют три точки зрения. Первая — от писателя сугубо коммерческих: да, мы пишем дрянь, но мы массово издаемся, а если кто-то пишет лучше, и его тоже самое издадут — о которых мы с вами, Юрий Михайлович, уже говорили, — игнорируем, то пусть себе пропадет... Вторая — эти, которые с деньгами, все захватили, но мы в уголочке, в подвалчике, в своем мирке будем хранить слабый огонек культуры, ибо это наше призвание и наш крест. Хотя все равно все будет плохо... И третья точка, самая трудная, поскольку в ней нет никаких мессианских оправданий, — если у тебя есть талант, ты рано или поздно проберешься. Не надо ни на что рассчитывать, но самое главное — не сдаваться. Как бы вы прокомментировали эти точки зрения?

— Каждый выбирает себе точку зрения в зависимости от того, как он смотрит на смысл своего существования. Ведь вся коммерческая литература, я ее еще называю «печатная продукция», создается людьми, не способными по-настоящему писать. Я знаю этих авторов, они начинали одновременно со мной или чуть позже. И в основном это люди, которым в свое время говорили: ребята, вам лучше выбрать другую профессию, у вас нет литературного слуха. Но теперь они решили, что наконец-то отыграются... Знаете, гениальный музыкант может сыграть в кабаке в трудную минуту жизни, но все равно будет ясно, что он гениальный музыкант. А бездарь и лучшая сцена не поможет. Вот они и пишут командами, теряя пути героев, этаким свальным литературным грехом... Это о первом варианте.

Второй вариант — это так называемая филологическая литература. Человек образован, начитан, хочет стать писателем. По аналогии с желанием быть испанцем — хотеть можно, но не значит, что ты можешь им стать. И призыв филологов в литературу нанес ей не меньший урон, чем в свое время призыв в литературу ударников производства. Потому что филологическая образованность и литературный талант — это абсолютно разные вещи. Одаренный человек всегда сможет добрать необходимые филологические знания. Но никакое филологическое образование не может дать таланта! И вот мы имеем эти сочинения, которые сейчас награждают всеческими Букерами, но на самом деле это не литература, это филологическая игра. Знаете, сейчас популярны исторические компьютерные игры — люди, сидя у экранов, воюют при Бородине, на Курской дуге или сражаются с Роммелем в песках Африки. И филологическая литература — такая же игра, люди придумывают какие-то направления, конструкции, насыщают их образами и аллюзиями. Она имеет право на существование. И если есть какой-то потребитель этого, я — не против. Только не надо выдавать это за литературу! Литература — это сверхчувственное, интуитивное познание мира, дающееся человеку с обостренным чувством слова. Тогда появляется живая образность, запечатленный язык и так далее... Но это человеку либо дано от рождения, либо нет. Просто захотеть и стать писателем — нельзя. Но... «Как это я не могу? Я вырос из образования, почему я не могу стать писателем? Я же могу купить «Мерседес», могу полететь на Канары...» На Канары — можешь, а стать писателем — нет.

И, как всегда, есть литература настоящая, ее делают люди, которым это дано. Ее всегда мало, но читатель интуитивно чувствует эту стоящую литературу, он никогда ее ни с чем не спутает.

Слова

Юрий Мамлеев, писатель:
— Юрий Поляков — русский писатель, который с большой эмоциональной силой реагирует на все, происходящее в современной России. Он воистину живет внутри ее израненного сердца. Я думаю, именно эта вовлеченность определила остроту сюжетов, точность современного языка, зримость персонажей в его произведениях. Писателю не чужд гротеск, что, на мой взгляд, блестяще выражено в романе «Козленок в молоке». Абсурд некоторых сторон жизни 90-х годов раскрыт здесь с убедительной ясностью.

Публицистика Юрия Полякова отличается прямой взглядом: она может быть очень острой, но без искусственно нагнетанной истерии и чернухи. Его позиция всегда разумна, сбалансированна и чужда всякому экстремизму. «Литературная газета» при Юрии Полякове обрела новое достойное и позитивное лицо. В связи с этим я рад поздравить юбиляра и пожелать ему осуществления всех самых сокровенных творческих замыслов.

Юрий Поляков — русский писатель, который с большой эмоциональной силой реагирует на все, происходящее в современной России. Он воистину живет внутри ее израненного сердца. Я думаю, именно эта вовлеченность определила остроту сюжетов, точность современного языка, зримость персонажей в его произведениях. Писателю не чужд гротеск, что, на мой взгляд, блестяще выражено в романе «Козленок в молоке». Абсурд некоторых сторон жизни 90-х годов раскрыт здесь с убедительной ясностью.

Публицистика Юрия Полякова отличается прямой взглядом: она может быть очень острой, но без искусственно нагнетанной истерии и чернухи. Его позиция всегда разумна, сбалансированна и чужда всякому экстремизму. «Литературная газета» при Юрии Полякове обрела новое достойное и позитивное лицо. В связи с этим я рад поздравить юбиляра и пожелать ему осуществления всех самых сокровенных творческих замыслов.

Юрий Поляков — русский писатель, который с большой эмоциональной силой реагирует на все, происходящее в современной России. Он воистину живет внутри ее израненного сердца. Я думаю, именно эта вовлеченность определила остроту сюжетов, точность современного языка, зримость персонажей в его произведениях. Писателю не чужд гротеск, что, на мой взгляд, блестяще выражено в романе «Козленок в молоке». Абсурд некоторых сторон жизни 90-х годов раскрыт здесь с убедительной ясностью.

Публицистика Юрия Полякова отличается прямой взглядом: она может быть очень острой, но без искусственно нагнетанной истерии и чернухи. Его позиция всегда разумна, сбалансированна и чужда всякому экстремизму. «Литературная газета» при Юрии Полякове обрела новое достойное и позитивное лицо. В связи с этим я рад поздравить юбиляра и пожелать ему осуществления всех самых сокровенных творческих замыслов.